

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА ШАЛЯПИНА

Ираклий Андроников
таю себя бесконечно счастливым за триумф нашего великого гениального Мусоргского.

13 февраля исполняется девяносто лет со дня рождения великого русского артиста Ф. И. Шаляпина. Писатель Ираклий Андроников рассказывает о новых, только что обнаруженных письмах Федора Ивановича.

БЫЛА в начале нашего века в Москве, на Большой Дмитровке, лечебница Петра Ивановича Постникова — хирурга великолепного и добрейшей души человека. В 1906 году в этой лечебнице, по случаю воспаления в гайморовой полости, лежал Федор Иванович Шаляпин. Операцию делал Постников. Чтоб не портить лица великого актера, не оставлять на щеке шрама, хотя бы и небольшого, Постников применил новый в ту пору способ и щеку резать не стал.

Лежа в лечебнице, Шаляпин сдружился не только с самим Петром Ивановичем и женой его Ольгой Петровной, но и с другими врачами и с фельдшерицами, получившими от него общее прозвище — «братья». Это были почитатели таланта Шаляпина, не пропускаящие его спектаклей, а одна из фельдшериц — Р. В. Калмыкова в 1908 году даже ездила в Париж, чтобы присутствовать на спектаклях «Русской оперы» С. П. Дягилева и послушать «Бориса Годунова» Мусоргского с Шаляпиным в главной роли.

В настоящее время из этой шаляпинской «братии» никого уже нет — П. И. Постников умер еще в 1936 году. Но в семье сохранились письма Шаляпина, которые передала мне дочь П. И. Постникова — Кира Пет-

ровна. Эти письма, очень значительные по содержанию, щедро раскрывают могучий образ Шаляпина, неповторимого даже в своем литературном стиле.

Первое письмо помечено: «СПБ. 12/XII 906». Шаляпин жалуется на дирекцию императорских театров, которая перевела его из московского Большого театра на петербургскую сцену.

«Дорогие мои, преславные и преподобные друзья Петр Иванович, Ольга Петровна и прочая любезная братия мужеского и женского пола! С тех пор как нечистая сила, заседающая в кулуарах зданий императорских театров и нами грешными правящая, послала меня в вертеп, называемый Петровым градом, я мечусь и стрекочу подобно кузнецу в летнюю пору с той только разницею, что истинный кузнец стрекоча славит бога, а я стрекочу петербургской публике. И таково много стрекочу я здесь, что правду сказать даже побраться времени не нахожу — то репетиции, то спектакли, то депутации, то концерты — прямо светопредставление да и только — стакан вина и то не проглотишь сразу, а все по капелькам в виде как гофманские капли принимаешь. Эх, соколики — куда лучше и приятнее жизнь в Московии

— зайдешь бывало в лечебницу, так тебе и вино и елей и кофей и котлеты, пьешь и наслаждаешься, да еще и милые добрые, хорошие лица угощают. Ну впрочем скоро прикачу опять к Вам — 19-го уезжаю из вертограда, а 20-го даже и петь в Москве уже буду.

Вчера закатился на охоту верст за 100 от Питера и застрелил зайца — жалко было косога, да охотничий азарт припер к горлу, — ну и решил заячью жизнь, а по совести сказать, совестно перед трупиком — совестно. Кажинный день промываю гайморовскую тоннель и дело кажется идет на лад, а впрочем не знаю — к докторам ни к каким не зааживал и никого ни о чем не спрашивал. — Что-то Вы подельваете? Как все поживаете и здоровы ли? Ну голубчики до скорого свидания, обнимаю всех по одиночке, а милым дамам целую ихние ручки и прочие мелочи. Такого интересного, о чем можно было б порассказать — пока ничего нет, а потому прилипаю устами моими к рядом стоящему стакану с вином и пью его за Ваше всех здоровье.

Да испοшлет Саваоф Вам всем то именно то чего желает. Душою Ваш

Федор Шаляпин».

Второе письмо не датировано. Но по содержанию нетрудно установить, что оно отправлено из Парижа с «милей-

шей Раисой Васильевной» — фельдшерицей лечебницы Постникова Калмыковой в мае 1908 года, когда Шаляпин потрясал парижан исполнением партии Бориса Годунова в опере Мусоргского: «Милый мой, дорогой Петр Иванович!

Конечно, ты уже не раз поругивал меня в душе за мое упорное молчание, но верь мне, что чувства мои всегда одинаковы к тебе и к твоей милой братии. Где бы я ни был и сколько бы ни молчал — я же Вас всех, а тебя в особенности люблю и люблю искренно. Пользуюсь случаем послать это объяснение в любви с нарочным — милейшая Раиса Васильевна была так мила, что заходила к нам частенько, а также была и в опере, об успехах которой я просил ее рассказать по возможности беспристрастно.

Самого меня, после Парижа черти несут в Южную Америку в Буенос-Айрес — уж черт с ним! Попутешествую еще, а там отдохну в дорогой России. Я говорю дорогой — да, Петра, я вижу теперь, что наша родина как ее ни мучают — есть страна чистой сильной мощи духа. Всякие же американцы и т. п. двуногие меня разочаровали весьма — золото и золото, людей если не совсем нет, так так мало, что хоть в микроскопию разглядывай.

Поболтал бы еще да иду — должен поевть, сегодня пою спектакль французам в пользу раненых Ма-

рокко, и что бы им была возможность ложно покичиться собой — пою «Марсельезу». Эх, французы!.. И они начали по-моему разлагаться и нет уже в них того прежнего святого духа, который носили в себе Сирано де Бержераки. — Ну, милый Петра, целую тебя крепко и прошу передать драгоценной Ольге мои наилучшие пожелания и поцаловать ручку, а всей братии нижайший мой поклон.

Твой Федор Шаляпин».

Третье письмо послано 27/14 июня того же — 1908 — года из Рио-де-Жанейро, куда Шаляпин прибыл на пароходе после своего триумфа в Париже.

«Братие! Дорогой мой Петр Иванович! Проболтавшись 15-ть дней в седых волнах океана, хочу в виде отдыха написать Вам несколько строк из другой части света.

Очень хотелось бы быть сейчас с Вами и сыграть в домино. Как Вы поживаете? Здоровы ли все, так же ли каждый день все режете и режете?

В этом году мне таки действительно повезло на путешествия. После Америки Северной попал в Америку Южную. Хотя физически чувствую себя превосходно, однако от путешествия устал. И если бы не несколько аргентинских испанцев, влюбленных в «бакара» — можно было бы сойти с ума от скуки, — но слава богу карты спасают, хотя я не

могу сказать, что играю счастливо, однако время проходит сравнительно весело — еще 3 1/2 дня и приеду в Буенос-Айрес. Что представляет из себя Рио де Жанейро не знаю, но вход в порт красота несравненная. Можно сравнить только Босфор.

Сейчас собираюсь поехать на берег, где не премину выпить кое что за твое здоровье, а также и за всю милую братию, которую люблю и всегда помню. В В.-Айресе останусь до 1-го сентября здешнего стиля, а потом поеду в Россию и может быть даже прямо в Москву — тогда порасскажу о всем, что видел и слышал. Перед отъездом из Парижа получил «почетного легиона» за Бориса Годунова — не столько радуюсь моему личному успеху, сколько счи-

Как жаль, что он не живет. Я думаю он был бы удивлен моему триумфу, особенно после того, как его честили и перечестили на всех перекрестках в России (конечно, в свое время).

Ну, дорогой Петруша, целую тебя крепко и приветствую от души милую Ольгу Петр., всей же братии мой искренний поклон.

Твой Федор Шаляпин.

Адрес: Théâtre Colon
Buenos Aires
Amerique du Sud.»

Таковы размышления Шаляпина о буржуазной Франции, об американском образе жизни, с которым ему довелось столкнуться, о великом русском искусстве, о «чистой сильной мощи духа» своей родной страны, который Шаляпин с особенной остротой ощутил, поездив по свету.

Нынешние поколения уже не застали Шаляпина. Мы имеем представление о нем только по пластинкам, фотографиям, кинокадрам. Но вклад Шаляпина в искусство так неизмеримо велик, так велика сила его таланта, что даже и того, что мы видим и слышим, довольно, чтобы посмертная слава его росла и росла, и все выше и выше ценили бы гений Шаляпина, его создания и великие заслуги его перед мировым и русским искусством.

*— Перед отъездом из Парижа
подарил: почтительное письмо,
за Бориса Годунова. Не только
радуясь своему возвращению
урагану, слава богу слышал
себя благодарен своим друзьям
за триумфы Калмыкова, Калмыкова
Калмыкова Мусоргского.
Ква. лав. из оа. ке. милье*

Федор Шаляпин

ИЗВЕСТИЯ
9 ФЕВ 1963
МОСКВА